

АЛЕКСАНДРОВА М. В. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

АЛЕКСАНДРОВА Мария Васильевна, родилась в 1905 в Санкт-Петербурге. Получила начальное образование. С 1920 — работала уборщицей, конторщицей, делопроизводителем, заведующей канцелярии в Правлении бумажной промышленности, затем кассиршей в фотографии. Активно занималась профсоюзной работой. Кандидат, затем член РКП (б). 9 марта 1935 — выслана из Ленинграда в Тургай Актюбинской области на 5 лет как жена террориста.

В апреле 1936 — обратилась за помощью к Е. П. Пешковой.

<19 апреля 1936>

«Полит<ический> красный крест. Пешковой.

От М. В. Александровой.

Прожив<ающей:> Актюб<инская>

Область, Семиозерск<ий> район,

поселок Семиозерное, до востребования

Заявление

Убедительно прошу разобрать мое заявление и помочь мне вырваться к трудовой жизни. Происхожу я из крестьян Костромской губ<ернии>. Отец мой — кузнец, работал в гор<оде> Ленинграде. Мать — той же губ<ернии>. Я родилась в Ленинграде в 1906 году. Образование имею — низшее полит<ическое> образов<ание:> сов<етская> парт<ийная> школа второй ступени. Окончила профсоюзные обл<астные> курсы. С 1918 по 1920 г<од> жила в деревне в няньках. С 1920 по 1935 г<од> работала в правлении бумажной промышленности 15 лет. Начала работать с уборщицы, но в порядке продвижения работала конторщицей, делопроизвод<ителем>, зав<едующей> канцелярией и зав<едующей> секретным отделом. А после окончания курсов работала последние 5 лет на проф<союзной> работе освобожденным секретарем месткома и казначеем. И все эти пять лет была на выборной работе.

С 1925 года — член ВЛКСМ, и все время будучи в комсомоле, была на активной и руководящей работе: секретарем кол<лекти>ва, была членом райкома Смольнинского района, информатором в райкоме и в то же время работала в Райсовете Смольнинского района в культпросвет секции. В комсомоле работала с 1925 года по 1931 год. С 1931 г<ода> — кандидат ВКП (б). За свой 15-тилетний трудовой непрерывный стаж я не имела ни одного выговора и прогула, считалась хорошей работницей и несколько раз премирована. А также по линии комсомола, а так же и парт<ийной> линии никаким взысканиям не подвергалась.

28/XII — 34 г<оду> я была исключена из рядов партии за притупление революционной бдительности.

В 1932 г<оду> я вышла замуж за Транковского Сергея, родивш<егося> в 1904 г<оду>, сына дворянина, кандидата партии (свое происхож<дение> он не скрывал), работающ<его> на заводе К<арла> Маркса слесарем, а после тяжелой операции его передали в ин<ститу>т на учебу. По отзывам завода и института он считался хорошим производ<ственным>, ударником и активистом. Мы жили в одной квартире с его братом, беспартийным, к которому в 1934 г<оду> приехал товарищ в отпуск, который был 1 ноября 1934 г<ода> арестован, а 20/XI-34 г<ода> был арестован брат моего мужа. А 22/XI-34 г<ода> был вызван на допрос по делу брата мой муж и который тоже не вернулся. А 6 декабря 34 г<ода> я из газет узнала, что они расстреляны 5 декабря 34 г<ода> за

принадлежность к белогвардейской группе. Для меня это было большой неожиданностью, так как я никогда ничего не замечала подозрительного за своим мужем. Он целый день занимался в институте, да общест^{венная} работа. Я тоже с 10 часов утра была на работе до 6 ч^{асов}, а после — ком^{мунистический} вуз или собрания, ведь я была на проф^{союзной} работе, да ежедневно приходила часов в 11 вечера. Муж всегда был дома. Меня по линии НКВД никуда не вызывали, ни когда муж сидел, ни когда его расстреляли. По распоряжению НКВД жилплощадь была переведена на мое имя. К перевыборам в Лен^{инградский} совет я была допущена. И вот спустя 3 месяца, когда стали выселять из Ленинграда дворян, в том числе и я была выселена в Казахстан. Правда, я даже обрадовалась этому, что я поеду, буду работать, уйду опять вся в общественную работу, докажу всю верность и непричаст^{ность} к делу Транковских. А ^{на} деле вышло наоборот. Приехав сюда, работы нет никакой. Вот уже 13 марта 1936 г^{ода} исполнился год, как я в ссылке. Первое время, когда здесь были высланные дворяне с деньгой, я кое-как жила: где постираю, где помою, осенью картошку копала, месяц жила в домработницах. Теперь большинство уехало, и я осталась без средств.

Живя в Ленинграде в 9-метр^{овой} комнате, обстановки у нас не было, кроме стола, кровати, трех стульев и мелочи. Муж учился, получал 95 ^{рублей} стипендии, работала я и помогала своей матери, так что еле-еле сводили концы с концами. Так что в ссылку я поехала, только с трудом набрала на дорогу. Да, товарищи, я душой осталась партийной. Скажу честно, я прожила с Транковским Сергеем 2,5 года вместе, я его любила и очень ему доверяла, и никогда я ничего за ним не замечала преступного, и так это все для меня осталась тайна, в газетах тоже ничего подробно не было сказано. Вот пошел второй год, как нет его, и я часто роюсь в памяти, что я заметила. Только одно могу сказать, что клянусь я: перед партией, перед советской властью я чиста. Я не хотела никуда писать, думала, найду работу, буду работать, уйду вся в общественную работу и только тогда, когда покажу себя и снова заслужу доверие, буду просить принять меня в свою среду.

Год я боролась, но больше нет сил. За этот год выстрадала и материально. С 12 лет я сама себе зарабатывала хлеба. Детства не видела, отец — пьяница, ^{нрзб.} тоже была комсомолка. Я вся отдавала себя обществен^{ной} работе, учиться не могла. После вышла замуж, думала, если мне не удалось учиться, пусть хоть муж учится. Я себе во всем отказывала, а результат — политическая ссылка, социально опасная. У меня в Ленинграде мать 73 года, больна воспалением легких и сестра одна, нет никого, она тоже лежит ^с гриппом. Ухаживать за ними некому, а я не могу к ним поехать, я — врач. Я не смею теперь ехать в Ленинград, дорога закрыта. Я только могу сидеть в казахском поселке вдалеке от железной дороги. Но почему меня не расстреляли, это же лучше, чем так жестоко бросили на произвол судьбы. Преступников, предателей отправляли в концлагеря, давали возможность им исправиться. Мне больше жить нечем, я все продала, себя совсем раздела, помочь мне некому. Кончить собою я не хочу, пока не сниму ^с себя позорного пятна, пока не докажу преданность нашей партии. Я умру, т^о е^{сть} хочу умереть тогда, когда я буду опять в рядах партии. Обращаюсь к вам за помощью, помогите мне вырваться к трудовой жизни, направьте меня куда-нибудь на стройку или ^в концлагерь, только работать. Одного прошу, разберите мое дело и дайте работы, чтобы выйти из болота. Я ^с малых лет работала, приносила пользу, а теперь целый год сижу паразитом. Передайте мое заявление или прошу сообщить, куда обратиться за помощью. Я послала заявление предс^{едателю}

партийного контроля. Специальности у меня нет. Я умею <делать> всю канторскую работу и профсоюзную, но, увы, как ссыльная и б<ес>п<артийная> заниматься ей не могу. Но я могу на физической <работе>. Правда, сейчас немного ослабла за это время.

Еще раз убедительно прошу помощи. Я молода, я еще сумею доказать и снова заслужить доверие и доказать непричастность к делу Транковских.

Александрова. 19/IV-36.

Р. С. У меня есть трудовой список, где указ<ан> 15 лет<ний> стаж, комсомольские характеристики, удостоверение Райкома, удостоверения Райсовета. Но снять копии очень дорого, а денег нет. Можете запросить Ленинград, Пр<оспект> Огородникова, д. 3. Гипробум. Партком. Александрова»¹.

На письме — помета:

«Заявл<ение> о замене реж<има>. <М.В.>».

В июне 1936 — получив от Е. П. Пешковой письмо, Мария Васильевна Александрова сразу ответила.

<26 июня 1936>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Меня очень тронуло ваше человеческое отношение ко мне и ваш совет написать новое, мотивированное заявление. Благодаря вам я снова почувствовала себя человеком, а не отщепенцем, выброшенным за борт жизни. Прилагаю при сем заявление, буду надеяться, что вы не оставите меня своим участием и помощью, чтобы снова работать и снова уйти в общественную работу, без которой я не могу жить, а после снова вернуться в ряды нашей партии, быть в организации, участвовать <в> строительстве социализма, вот моя мечта.

Глубокоуважающ<ая> вас Александрова»².

16 августа 1936 — по ходатайству Помполита Марии Васильевне центром было разрешено проживание в Караганде. В сентябре 1936 — Мария Васильевна в отчаянии просила Е. П. Пешкову принять срочные меры для извещения об этом местного Управления НКВД.

<7 сентября 1936>

«Т<оварищ> Пешкова

Мною получено было от вас извещение о том, что я могу рассчитывать на получение какого-либо города, но до сих пор никакого подтверждения от НКВД я не получила. Я бы не позволила себе беспокоить вас, если бы не неожиданное осложнение. Дело в том, что меня, в числе других высланных, переводят на жительство в поселок Викторовка в 160 км от Семиозерного поселка, в котором я живу, ввиду разделения района. Материальное положение мое настолько безнадежно, что всякие лишние путевые излишки для меня катастрофичны. В НКВД мне дана 2-х недельная отсрочка, и, если за это время я не получу подтверждения о праве выезда отсюда, придется ехать в Викторовку, а в силу это<го> мне придется продать носильные вещи, а в силу материального положения выезд отсюда мне будет закрыт,

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1529. С. 64-67. Автограф.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1529. С. 58. Автограф

следовательно, придется там зимовать, но все теплые вещи, а в том числе пальто, у меня давно проданы. Найти работу в поселке не представляется возможным, а зимовать без теплых вещей и без работы при здешних зимах невыносимо. Положение получается безвыходное, и только поэтому я, помня вашу внимательность и отзывчивость, обращаюсь с просьбой о помощи в скорейшей присылке официального отношения о разрешении выезда отсюда на работу.

Р. С. Заявление вторично прилагаю.
7/IX – 36 г<ода>. Александрова»³.

На письме — помета М. Л. Винавера:
«Срочно. М. Л.».

Местное Управление НКВД получило из центра необходимое извещение, и Мария Васильевна с радостью выехала в Караганду. А 10 декабря 1936 — она уже из Акмолинска вновь просила помощи Е. П. Пешковой.

<10 декабря 1936>

«Тов<арищу> Пешковой Е. П.

адм<инистративно> ссыльной
Александровой Марии Васильевны
г<ород> Акмолинск, почта,
до востребования

Заявление

Помня ваше человеческое отношение, я обращаюсь к вам еще раз, т<а>к к<а>к из тех тяжелых условий, в которых я была, я попала в совершенно безвыходные и безнадежные.

Вы сообщили мне открыткой, что мне будет предоставлена возможность работать в одном из городов Казахстана. В скором времени через Р<айонный> О<отдел> НКВД в Семиозерске мне сообщили, что решением Особ<ого> Совещ<ания> Московск<ого> НКВД мне разрешено переехать в г<ород> Караганду. Обрадованная возможностью вырваться из п<оселка> Семиозерного, в надежде, что наконец-то я снова смогу работать, я почти без денег все-таки приехала в Караганду 2 декабря 1936 г<ода>. Но Карагандинское НКВД отказалось меня принять и в грубой и резкой форме предложило немедленно покинуть Караганду и направиться в Акмолинск, а оттуда в район за 185 верст. Я приехала в Акмолинск, и 7 декабря НКВД мне разрешило остаться там жить.

Положение мое отчаянное — я совершенно одна, без теплых вещей, без работы, без помещения и без денег и не могу даже выкупить багаж, чтобы продать оставшиеся вещи. Я прошу Вас — помогите мне в срочном порядке получить разрешение от НКВД переехать в Кустанай, где у меня родные и знакомые, которые обещают меня приютить на первое время, найти работу и дать денег на переезд. В противном случае я не знаю, что делать.

М. Александрова. 10/XII- 36 г<ода>»⁴.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1529. С. 62. Автограф

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1529. С. 59. Автограф